

ГЛАВА ПЕРВАЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О ТОМ, КАК ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ И ПЕТЯ СОШЛИСЬ

Павел Евгеньевич в «Светлячок» заходил нечасто, и, уж конечно, не считался здесь своим. Но был уважаем и даже популярен, как чуждак интеллигентного вида с аккуратно подстриженными седыми усиками, при больших очках в коричневой роговой оправе с выпуклыми дальнозоркими стеклами, при сутулых застенчивых плечах и словно приседающей, словно кланяющейся походке. И на улице, и в помещении он передвигался так, как будто не просто шел, а все время обходил невидимые препятствия или уступал кому-то дорогу. Говорил он тихо, медленно подбирая слова, вздыхал и побряхтывал чуть ли не после каждого слова, будто стеснялся или извинялся.

Брал он обычно рюмку кизила или вишни на коньяке, долго стоял с ней у подоконника, повторял редко. И такой напиток, и такая доза считались в «Светлячке» чудачеством. Там ни кизила с вишней, ни тем более коньяка и в помине — сплошная химия, куча сахара и градусов кот наплак-кал. А он стоит, сутулится, потягивает

свои крашенные пятьдесят, поблескивает виноватыми линзами. Старичок-чудачок, вполне безобидный.

Были у Павла Евгеньевича и другие чудачества. И самой поздней осенью, и даже зимой мог он прийти в «Светлячок» в одном пиджачке серой мышинной расцветки, да в черной, под кожу, потрескавшейся кепке, прикрывавшей затылочки. Дождь на улице, ветер, град — воротничок на пиджачишке поднимет, кепчонку на очки, улыбнулся и пошел. Лишь в самые сильные морозы появлялась на нем комбинированная кургузая, полы пиджака торчат, курточка, совсем не зимняя. Да та же кепка. Впрочем, сильные морозы в наших широтах нынче непродолжительны. Или пока непродолжительны — тут среди научных кругов еще нет определенности.

«Чтой-то, Павел Евгеньевич, — скажут ему, — здоровье не дорого? Слякоть какая, стужа на дворе, а вы налегке? Не мальчик ведь». — «Не мальчик, — вздохнет застенчиво, — но мне не холодно». — «Как так? Вроде бы и не сильно согреваетесь». — «А греться вот тут, — постучит себе над очками, — надо. Тут вся необходимая организму энергия».

Фраза, конечно, железная. Хотя, как мудро распенили в «Светлячке», будь у старичка иные материальные обстоятельства, заходил бы он сюда в шубе из песца и бобровой ушанке, не ощущая никаких ущемлений организму и генерирующей тепловую энергию башке. А у пенсионера какие возможности? Впрочем, знали в «Светлячке», работал в свое время старичок на оборонном предприятии, и в немаленькой должности, так что пенсия должна быть отнюдь не ниже рядовой. К тому же и на пенсии подрабатывал, в охране того же предприятия. Так что мог бы себе и кепчонку поменять, и пальтишко приобрести, с подкладочкой.

Но была у Павла Евгеньевича жена, не первая, видимо. Моложе его лет на пятнадцать, а то и двадцать. «Сквалыга, — дружно решили в «Светлячке», — жадюга кровососная, в черном теле держит бедолагу». Это, понятно, не при Павле Евгеньевиче обсуждали, попозже, когда уйдет.

С женой-то все ясно, но, объективности ради надо признать, что воделись в энергичной башке старичка и совсем не безобидные, в материальном плане, чудеса. Поскольку был он библиофилом и пушкинистом. Собирал чуть ли не всю свою сознательную жизнь самые разнообразные книги (а это и раньше, и теперь — недешево). Особенно книги про Александра Сергеевича и редкие издания его поэтического наследия. Выписывал какие-то каталоги, общался с такими же, как он, поклонниками творчества, обменивался, покупал, перекупал... Вот на это свое чудо-хобби всю мощну и ухнул. Ходит теперь в пиджачке, генерирует.

На почве книг Петя Щелкунов с Павлом Евгеньевичем и сошелся.

Петька ночным сторожем подрабатывает в мини-типографии. Там оборудование солидное. Сигнализация есть, конечно, но, тем не менее, надо, чтобы и живая душа по ночам присутствовала, на всякий пожарный. Вообще-то, он, Щелчок, в киоске компакт-диски и компьютерные игры продает. Вымирающая, чего там, профессия, покупателей все меньше, сейчас все через одно место — через интернет. И платят копейки. В типографии сторожем — тоже не разгуляешься. Но вместе — то и то — на жизнь хватает. А компьютеры в типографии все запароленные, не зависишь. И телевизора нет. Тупо спать всю смену — так это двенадцать часов. Бухать напролет — все мозги пропешь, да и сдаваться утром хозяевам надо без перегара. Вот он к художественной литературе и пристрастился.

Как именно они познакомились сейчас уже и не припомнить. Как знакомятся в «Светлячке»? Зашли в одно время, обменялись взглядами, потом парой фраз о том, что творится на улице и в стране. В следующий раз — уже вежливый кивок, еще пара фраз — и добрые знакомые. Ни к чему существенному не обязывает, но улыбнуться при встрече, словечком перебраться воспитанные люди должны. Этикет есть этикет, оно и не трудно, и самому приятно.

Впрочем, с другими завсегдатаями Павел Евгеньевич в разговоры почти не вступал. А вот Петьку почему-то выделил.

Пушкин, опять же, свою роль сыграл. То ли дата какая-то назревала, то ли просто к слову пришлось, но Петька говорит:

— А у нас в драмкружке гимнастика дыхательная была. Надо полную грудь воздуха набрать и на выдохе, без пауз, чтоб не вдохнуть ненароком, тянуть слитно — из Пушкина, «Буря мглою». Очень здорово легкие развивает и громкость голоса. Чтоб со сцены тебя слышно было. Говоришь вроде как обычно, а слышать тебя и в самом последнем ряду, хоть на триста мест зал, хоть на три тысячи.

Ему, конечно, — иронически:

— Где это ты в зале на три тысячи мест выступал?

— На три, не на три, — говорит Щелчок скромно, но веско, — а на восемьсот приходилось. И слышали. Потому что я на Пушкине упражнялся. Там произведение с подвывертом. Вроде всего шесть строф — четверостиший. Но в конце два предыдущих повторяются. Итого восемь.

— И ты все восемь тянул? — подначивают.

— Восемь, врать не буду, не тянул, — говорит Петька. — Все восемь — только оперным голосам под силу, у них дышалка покруче. Драматическому шести строф достаточно, уже зал твой.

— Ну а ты-то, ты-то сколько?

— У нас редко кто до третьей дотягивал, на второй выдыхались. А я...

Щелкунов выпятил грудную клетку, шумно втянул воздух и, сделав свирепое лицо, затанул гортанно, как бурятские шаманы:

— Бурямглоюнебокرواتвихриснежныекрутятокакзверьоназаветто...

До пятой строфы дотянул, стервец, до «выпьемгоря». Присутствующие смотрели с уважением. Петька, весь малиновый, но довольный, отдышался, пот смахнул, оглядел всех.

— Уф, — говорит, — давно не тренировался, а ведь без малого семь выдавал. Но на четыре спорить можно железно. Так что, — подмигнул, — слово прозвучало — «выпьем»! А горевать не будем!

За такое дело, конечно, все с радостью. Даже Павел Евгеньевич по второй свои крашенные пятьдесят заказал. Вот с той поры у них и пошло сближение. Видимо, это «Бурямглою» провыл Петя близко к авторскому тексту, что не могло не вызвать симпатию в трепетной душе пушкиниста. Вышли они из «Светлячка» вдвоем. Петька тыкал указательным в лацкан пиджачка Павла Евгеньевича и твердил не завывая уже, а с щемлящим драматическим чувством:

— Спой мне песню, как синица ти-ихо за морем жила...

— Спой мне песню, — отбивал поклоны пушкинист, — как девица... ох... за водой поутру... ох...

А потом стал Павел Евгеньевич Пете книжки таскать. А чего не таскать, библиотека-то немереная, накопил за всю жизнь, и куда их теперь? Некоторые просто дарил, те, что поплоче, видимо. А некоторые и продавал. Книги-то старые, потрепанные, не особо, надо полагать, цен-

ные — советских годов. Таких на развалах уличных пруд пруди — оптом. Но Петя брал. Не все, но некоторые. От четырехтомника Байрона отказался:

— Поэзию, — говорит, — в оригинале надо читать, тогда постигаешь... А у меня английский — на уровне общеобразовательной. То есть, не дано.

Впрочем, шесть томов Блока тоже брать не стал. Зато приобрел сборник «Советская юмористическая повесть 20-х годов», Марка Твена, О. Генри, Булгакова. Хемингуэя — в четырех томах. Продавал-то старичок за символические цены, ему, пожалуй, на развалах больше бы дали. Он на развалах потом все и пер, что Щелкунов не брал. Но сначала — обязательно Пете, Петру Евгеньевичу.

Он Щелчка исключительно по имени-отчеству величал. Петька ему говорит:

— Павел Евгеньевич, бросьте, я вас вдвое моложе! Петр я для вас, Петя, и на «ты».

— Нет-нет, — трепещет линзами библиофил, — я уж так... Во-первых, вы натура художественная, артистическая...

— Да какая артистическая, — ухмылялся Петя, — ну, ходил в драмкружок в студенчестве, это когда было...

— Вы студентом были? Где учились?

— На журфаке в универе.

— Вы журналист?

— Пару-тройку лет в городской газете.

— А потом?

— А потом очень много развелось журналистов. В кого ни ткни — журналист. Во-вторых-то что?

— Во-вторых, — повздыхал пушкинист, — забавная штука, понимаете... У меня брат старший, шесть лет у нас разница, так он тоже Петр Евгеньевич. Ваш полный тезка. Он художник, маринист — море пишет. В Питере живет — сейчас под Питером, в домике, на берегу Балтийского... Ух, вот... Вот мне и приятно вас называть Петром Евгеньевичем, понимаете...

Ну, раз приятно...

В другой раз Павел Евгеньевич рассказал о брате подробней. Заслуженный художник не РФ, а еще РСФСР. В Строгановке учился. Начинал как пейзажист, был отмечен всякими там светилами. Масса командировок, экспедиций, пленэров по всему Союзу. Всесоюзные выставки, и персональные. Лауреат. В последние годы — ну, как последние, лет двадцать пять, четверть века уже — маринист. Исключительно море — северное. Не только Балтийское. А и Баренцево, и море Лаптевых, и Берингов пролив. Стихия, понимаете? Буйство естественной природы. И гармония. Су-ровая, но гармония!

— Да, хорошо, — сказал Петя, — любопытно.

— А вот что, — свернул очками Павел Евгеньевич, — а вы приходите ко мне. У меня есть альбомы брата, я покажу. И библиотеку мою посмотрите. И, гхе, Пушкиниану.

— К вам? — усмехнулся Щелкунов.

— А что, а что, — закивал пенсионер. — Вы женаты?

— Нет, — удивился Петя. — Был.

— Детки есть?

— Дочка. Они с женой в другом городе.

— Ы-ы-мм, — сочувственно протянул старичок. — А у меня жена — молодая интересная женщина. Вам, может быть, хм, любопытно будет пообщаться.

Петя бросил взор на стопарик пушкиниста. Едва отпил. А что мелет-то? Что он имел в виду? Пушкинист смотрел выжидающе и покорно. На чистом глазу, без коварного блеска и демонических искр. Просто старый чудак. С молодожавой супругой.

Приглашение Петя вежливо отклонил.

ГЛАВА ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРИХОДИТ В ГОСТИ К ПАВЛУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ

Но недельки через две Петя оказался у Павла Евгеньевича в гостях. Под изрядным, надо сказать, хмельком. Впрочем, изрядность у Пети проявлялась лишь в повышенной активности, да еще, пожалуй, доброжелательности. Координации он не терял, артикулировал членораздельно. Как ему представлялось.

Павел Евгеньевич вновь завел разговор про брата, полного тезку, про его альбомы — «мне бы хотелось, чтобы вы, гхе, гхе, увидели». Библиотекой своей завлекал, Пушкинианой. И вдруг снова:

— И с женой вас хочу познакомить, понимаете...

— Павел Евгеньевич, — развеселился Петя, — да не понимаю я. С женой-то зачем?

— Се-се-се, — засопел старик, полуоткрыв рот. Сглотнул, вытер платочком слюнки в уголках губ. Почти половина зубов у него — вставные, металлические, старость не радость.

— Так ведь, — покряхтел Павел Евгеньевич, — просто...

Глаза его в выпуклых линзах выглядели совсем наивно. Пушкинист придвинулся к Щелкунову.

— Понимаете, — потрогал он осторожно свои усы, — она меня моложе. Серьезно моложе. Она образованный человек, начитанный... Все прекрасно, душевная, добрая... Но, понимаете, хм, разница в возрасте, в годах, безусловно, сказывается. Безусловно... Ей не хватает общения со сверстниками, понимаете?

— Нет, — продолжал веселиться Петя. Внутренне, конечно.

— Сверстницы-то есть, но это не тот круг... — махнул рукой Павел Евгеньевич. И стал похож вдруг на облысевшего дикобраза. Очень разозленного тем, что облысел. Дикобраз попытался оцетиниться, но снова превратился в милого дедушку. — А у меня и коньячок дома есть, очень приличный, очень, — подмигнул он Щелкунову. И уголки губ платочком промокнул.

«А ведь забавно, — подумал Петя, — вполне забавно». И сказал:

— Ну, раз так — чего ж ему, приличному, киснуть.

Проживал Павел Евгеньевич, как выяснилось, остановки за четыре от «Светлячка». Зачем в «Светлячок» таскался, непонятно, есть же ближе. В маршрутке порывался заплатить за Щелкунова. Петя, естественно, не согласился.

Пятиэтажка рубежа семидесятых-восьмидесятых. На третьем этаже. Классическая лестничная клетка, темная, узкая, пропитавшаяся едкими запахами давно заселенных квартир.

Вошли. По узкому, но вытянутому коридору — стеллажи, с обеих сторон, снизу доверху. Книги.

Павел Евгеньевич вручил Пете матерчатые синие тапочки. Щелкунов, прикинув свежесть своих носков, снова развеселился.

— Люба, — позвал Павел Евгеньевич вглубь коридора. Ответа не было.

— А-ах, — протянул пушкинист, — незадача. Ну, может, придет скоро. А мы пока...

Мимо кухни прошли, мимо зала с тахтой и стенкой. Потом была закрытая дверь, с замком, встроенным.

— Комната дочери, — пояснил старик.

— Дочка у вас?

— От первого брака. Любиного, жены.

— Взрослая?

— Да, да. В позапрошлом закончила экономический. В отделе кадров работает.

Квартира была трехкомнатная, сносная, ухоженная. Ремонт явно делали не так давно. Года три назад, от силы пять.

Комната, которую Павел Евгеньевич назвал «мой кабинет», была, по сути, просто спальenkой. Диван раскладной, но снова полки во всю стену, с книгами. И небольшой стол, полированный, с тумбочкой. Без компьютера.

— Ну, — потер руки Павел Евгеньевич, — нет жены, и к лучшему. Давайте-ка... А давайте я вам альбомы покажу, брата, Петра Евгеньевича. Вы, гм, смотрите, а я быстренько...

Старичок положил на стол альбомы и вышел. Альбомов было три. Прилично изданные, не толстые, но качество печати на уровне. В Питере изданы все три. Петька, откинувшись в кресле, листал глянцевые, отцвечивающие от люстры страницы. Акварель, масло, темпера. Всюду было море, почти всегда суровое, беспокойное, бурное, пенное. Или — застывшее, скованное льдами и снегами, то ослепительно-белыми под холодным колющим солнцем, то синими и фиолетовыми под свинцовым небом. Людей на картинах не было. Встречались корабли, чаще на заднем плане, гражданские суда, военные. Белые медведи выныривали из полыньи, белые песцы пробежали по берегу, тучи неизвестных птиц усеивали крутой, уходящий к штормящему морю обрыв. Сосны росли на фоне западающего в промозглые воды одинокого светила. Скалы таращились из серой закрученной пены, а на них летел, накренившись и сдавшись, то ли траулер, то ли сейнер. Приличные были картины. Только тягостные.

Павел Евгеньевич, появившись, поставил на стол тарелки с лимонами, нарезанными кружочками, с полукопченой колбаской и оранжевым мягким сыром. Нырнув в тумбочку, выудил бутылку и две металлических стопки.

— Ну, как? — Присев на диван, кивнул на альбомы. — Что скажете?

— А может, сначала? — ляпнул Щелкунов. Не слишком тактично, но...

— Ой, да, — суетнулся старик, — вот лимончики, вот...

Стопки были мелкие, с два наперстка. И коньяк, Петька, конечно, не знаток, но так себе, средней проходимости.

— Я, конечно, не знаток, — сказал он, зажевав, — но впечатляет. Как там у классика: твои скалы, твои извивы, и блеск, и — что...

— И тень, и говор волн... — расцвел старик. — Хотя это у Александра Сергеевича про Черное море, скорее, а тут северная экзотика...

— Ну да, на берегу пустынных волн, — вновь блеснул эрудицией Петя. — Впечатляет, Павел Евгеньевич, нет, впечатляет...

— Правда? — благодарно сверкнул тот линзами.

— Seriously, — растопырил пальцы Петька. — И это несмотря на то, что, конечно, в целом...

— Что? — насторожился пенсионер.

— Ну, в целом, явный традиционализм.

Пете понравилось, что простое в данной ситуации слово он произнес твердо и четко, без помех.

— Традиционализм? — переспросил Павел Евгеньевич осторожно. Артикулировал тоже вполне прилично.

— Безоговорочный, — взмахнул руками Щелкунов. — Не Чюрленис ведь, но и не Дали... Так это и славно! Крепкий, надежный... — Произнести еще раз заковыристое словцо он не рискнул. — Так на нем-то все и держится...

Искусствоведческий диспут явно не стоило продолжать. К счастью, последний довод старика, видимо, вполне удовлетворил. Попыхтев благодарно и промокнув платочком губы, он придвинулся к Петьке:

— Понимаете, Петр Евгеньевич, со зрением у него в последнее время... Это я-то с детства полуслепой, а он всегда орел был... Стопроцентное зрение! И вот теперь год от года все хуже... А для художника зрение — это...

— Катаракта? Так ведь лечат теперь, если не запустить...

Медицинская тема тоже оказалась не из легких. Хорошо, что старик, отсопев и отохав, догадался плеснуть в наперстки.

— Ну, за здоровье тогда вашего брата, — сказал Петя сочувственно. — И ваше тоже.

— Я к нему езжу, конечно, — пожевав лимончик, сказал Павел Евгеньевич, — раз в год, примерно, чаще не получается. Но созваниваемся. Жен у него было и подруг — не перечеть, орел! А сейчас, вот, один... Домик у него, на берегу моря. Хороший домик, замечательный, сам строил. Не замок, не дворец, как сейчас строят, а для себя, удобно, все из дерева, зимой тепло, в жару прохладно...

Говоря о брате, Павел Евгеньевич посматривал на полки вдоль стены. Ну, точно сейчас достанет какую-нибудь реликвию из своей Пушкинианы. «Что делать, — подумал Петя, — раз пришел, надо соответствовать». И приготовился покорно впечатляться, раз уж пришел. Только цитировать классика надо поменьше, запас-то невелик, не ровен час раскусит книголюб. Ничего, можно просто поддакивать да изумляться редкости коллекционных изданий. И глотать из наперсточка.

— Как вы в «Светлячке»-то давеча, — хихикнул вдруг Павел Евгеньевич, — ловко!

Щелкунов замер, не отпив.

— «Выпьемсгоря», ловко! Прямо номер у вас концертный! — Старикан придвинулся к Пете вплотную. — Ведь прерывалось дыхание, а? Прерывалось, скажите?

— А вы заметили? — подмигнул Щелкунов.

— А незаметно, — закрихтел пушкинист, — незаметно, нет...

Петя встал, выпил, расправил плечики, прошелся по «кабинету».

— А на нет и суда нет!

— Ловко, — затряс линзами старик, — но, между нами, в чем секрет? Ведь невозможно дотянуть, не прерывая! Ну, две строфы, ну, три от силы...

— Без тренировки и первую-то не вытянешь!

Щелкунов вдруг представил, как старичок, сопя и охая, пытается повторить его, Петькин, рекорд.

— Слушайте, — сказал, — это же фокус, как раз для рюмочных. Народ расслабленный, эффект неожиданности. Я руками перед собой вращаю, они на руки и смотря...

Расстроился, что ли, пушкинист?

— То есть, все восемь нельзя?

— Нет, ну, если целенаправленно тренироваться, на уровне, там, чемпиона по нырянию...

— То возможно?

Вот привязался-то!

— Думаю, да.

— А у вас такие знакомые были? В драмкружке?

— Нет. — Щелкунов остановился. — Там курили почти все, какая у них дышалка... Вы лучше про свой фокус расскажите: на морозе в одном пиджачке — в чем секрет?

— В постоянстве, в регулярности. Я, кхе, и босиком бы смог, но — неприлично...

— Моржеванием занимаетесь?

— Нет, обливанием. Холодной водой.

— А брат ваш?

— Так он меня и приучил. Мы, хех, вместе...

«А что же он слепнет-то, — чуть было не сорвалось у Петьки, — не смотря на ваши регулярные?» Но не повернулся язык, к счастью. Пора бы уже отсюда, пора...

Ключ в замке входной двери скрежетнул несколько раз. Кто-то пришел.

Пенсионер встрепенулся:

— А вот и... Минуточку!

Павел Евгеньевич выбежал в прихожую. Там кто-то раздевался. Голосов Петя не слышал, только вздохи какие-то, видимо, раздраженные. Раздевшись, кто-то пошел на кухню. Петя прошелся вдоль полок, посмотрелся в круглое зеркальце в коричневой оправе, стоявшее перед толстенными томами Гумилева, Льва. Зеркало увеличивало. Были видны поры на коже, ямки от давних юношеских прыщей, рыжие щетинки топорщились неэстетично. Петя перевернул зеркальце. В обычном отражении изъяны облика не так бросались в глаза. Хотя рожа все равно припухшая, и бриться надо с утра, господа хорошие.

Из кухни доносились шорохи и шуршания, потом кто-то открыл кран: то ли руки мыл, то ли хотел заглушить все другие звуки. Петя плеснул себе в наперсток.

Павел Евгеньевич появился с тарелками в руках, задом прикрыл дверь:

— Огурчики вот, помидорчики свежие...

— Да ладно, зачем, Павел Евгеньевич...

— А как же — витамины, полезно, знаете...

— Какие мне сейчас витаминны, — махнул рукой Петя.

— Нет-нет, Люба только у своих берет, на рынке, у проверенных, все натурально... А вот мы их под коньячок!

Выпили.

— Неплохой коньяк, — сказал пушкинист, зажевывая огурчиком. Зубы его при этом слегка клацали. — Неплохой. Сейчас суррогатов видно-невидимо. Но этот неплох.

— Приятный, — соврал Петька.

— Я, Петр Евгеньевич, — вздохнул старик, — об одолжении вас попросить хочу. Вы ведь в типографии работаете?

— Сторожу.

— Но все равно ведь знакомы с сотрудниками? Я, понимаете, напечатать хочу...

— Там мини-типография, — поскущел Петя, — листовки печатают, визитки, рекламу всякую. Если книги — это в издательство надо...

— Нет-нет, — снова придвинулся старик, — речь не о книге — брошюра! Брошюру ведь могут?

Петька кивнул. «Несет у него, небось, изо рта. — Пришло почему-то в голову. — Хорошо, что спиртное нюх отбивает».

— Понимаете, — сопел старик, — хочу издать брошюру. За свой, разумеется, счет. Думаю, не слишком затратно будет. Понимаете...

Пенсионер вскочил, Петя откинулся на диване, закинул ногу на ногу. Павел Евгеньевич потер руки, к полкам своим подскокил:

— У меня, — блеснул линзами, — не слишком шикарное собрание. Я, безусловно, любитель, просто любитель. Инскриптов самогó, разумеется, нет. Но есть очень достойные экземпляры, очень приличные издания, я ведь с тридцати лет Пушкинианой занимаюсь. Вот о своей коллекции и хочу написать...

— Павел Евгеньевич...

— Нет-нет, Петр Евгеньевич, нет-нет... Я ни о чем особенном вас не прошу. Но вы же общаетесь там... Можете ли узнать, во что обойдется выпуск небольшой такой брошюры, библиографическое издание: перечень всех единиц моего хранения и мои впечатления, мои заметки об экземплярах, которые есть у меня, порой — истории, с ними связанные, мои воспоминания...

Петя хотел было сказать, что узнать проще простого у менеджера, но старичок, восторженно руки воздев, потянулся к полкам, и Петя согласился. Невеликий труд, действительно, почему бы и не оказать любезность. Книголюб прямо расцвел — и сопел, и пыхтел, и кланялся, и руку тряс, и в стопки опять плеснул. Чрезмерно как-то... Странные они, коллекционеры, не от мира сего. Или пить не умеют.

На кухне шумела вода. В бутылке суцая ерунда оставалась.

— И все-таки, — снова метнулся к полкам Павел Евгеньевич, — не все, конечно, но самое интересное я вам продемонстрирую. Самое-самое...

— Павел Евгеньевич...

Открылась дверь. Пушкинист повернулся:

— Люба... Вот Любовь Михайловна, супруга моя...

Моложавой супруге было лет под пятьдесят. Во всяком случае, за сорок — ничего себе ровесница. Да уж. Диета ей явно не помешала бы, хотя вряд ли уже и помогла б. Блузка конусом, два шарика впереди, и юбка как купол. Небольшой такой бочоночек с крашеными кудряшками и в тапочках с помпонами. Или снежная такая бабка — в кудряшках и

мощной юбиче. Рыбы глаза застывшие, и ничего в них, кроме «все я о себе знаю и ничего нового от вас, одноклеточных, не услышу». Щелкунов привстал.

— Сидите-сидите, — сказала супруга, — не буду мешать.

А вот голос у нее был противоестественный. Из бочонка какие должны быть звуки? Го-го, га-га, артподготовка. А тут мягкий такой тембр, плюшевый. Отчасти, даже неземной. Таким голосом хорошо романсы петь. Не со сцены, а так, в кругу друзей. Если, конечно, слух имеется.

— Приятель мой, — кланялся книголюб, — Петр Евгеньевич. Я о нем рассказывал, Любонька, помнишь? Вот общаемся...

«Петр Евгеньевич» он произнес со значением, несколько нараспев: «Пе-етр Евге-еньевич». Подчеркнул.

— Я вижу, — пропела супруга. Иронично, надо сказать, даже весьма. — Не увлекайтесь.

Снежный бочонок подкатился к полке, взял круглое зеркальце и выкатился, не сморгнув и не взглянув даже на Петин диванчик. Вот тебе и светский прием. Снова зашумела вода.

— Вы, Петр Евгеньевич, не думайте, — закричал пушкинист, — Любовь Михайловна с работы, не отошла еще...

— Нет, — притронулся к гортани Петька, — о чем речь! А где работает-то?

Просто спросил. Надо же о чем-то спрашивать.

— Работает-то? — достал платочек библиофил. — В наркологии. В диспансере. Врач-нарколог. Алкоголики, знаете, наркоманы, токсикоманы — такая публика... Насмотришься за смену, пока отойдешь... По рюмочке?

На кухне зашипела сковорода.

— Картошечки сейчас, — потер ручонки старичок, — и рыбки жареной! Вы рыбку уважаете? Эх, маловато у нас...

— Я, Павел Евгеньевич, пожалуй, все — на дежурство пора, — соврал Щелкунов.

— Ой, — засуетился старик, — да как же — время еще...

— Пока дойду...

— Как же, ведь только разговор...

— Как раз начальство, может, застану, насчет вас поговорю. — Петя старался выглядеть решительным.

Прошли мимо кухни. Округлая супруга картошку нарезала. Уже в домашнем халате. Пестром, красно-черно-белом.

— Любонька, а Петр Евгеньевич-то уходит! Ему на службу — незадача какая! Жаль, ах, как жалко...

— До свидания, — колыхнула шариками супруга. Безразлично.

Но! Метнула в коридорчик такой, блин, взор! Вроде бы мимолетный, всего один. Но какой! Не рыбий остекленевший, а черный, жгучий, пронизывающий — насквозь. Петя даже шарахнулся. И лезвие ножа над расчлененной картофелиной сверкнуло. Или это Пете только пригрезилось?

— Я провожу, — суетился старикан, — до остановки хоть...

— Нет, — отрезал Петя.

«Попал, — думал, идя по темнеющим уже улицам, — Ну и попал. Вот же...»

Несколько дней Щелкунов в «Светлячок» не навещался. Не потому что и оттого что, просто не хотелось. Да и некогда было. Свой визит к пушкинисту и его очаровательной супружнице он расценил как забавный анекдот, который при случае можно поведать друзьям-приятелям. Только, чтобы он стал еще забавней, надо деталей подкинуть. О том, что неугомонный пушкинист подсовывал ему постоянно всяческие инскрипты невразумительные, а конусообразная наркологиня бросала на него томные взгляды и, подсев с другой стороны, терлась округлым бедром... И коньячок подливала, который клопами пах. Предлагая у нее в диспансере пройти курс реабилитации. В отдельной палате со спецобслуживанием. А картошка на кухне в это время подгорела. Обуглилась к едрене фене. Что к счастью: остался бы на картошку, неизвестно, чем бы дело закончилось, а так — сохранил честь и непорочность. Вот такие вот книголюбы, оказывается, проживают в четырех кварталах от «Светлячка».

Хотя, рассказывать или нет, Петя еще не решил. Вообще-то, симпатичный старикан, в целом. Когда близко не придвигается. Неуверенный, неустроенный, не нужный, видать, никому. Наркологиня из него явно веревки вьет. Да и случая рассказать не выпадало пока.

А потом и само это посещение стало казаться не таким уж забавным, и другие дни его заслонили, иные заботы. И в «Светлячке» они не сходились, в разное время бывали, видимо. Но, конечно, снова встретились.

Павел Евгеньевич был очень обрадован. Повеселил Петю, сказав, что он произвел на супругу книголюбца «самое приятное впечатление».

— Взаимно, — ответил Щелчок любезно.

А Павел Евгеньевич — снова о брошюре. Дескать, как бы узнать, чтобы ее издать, во что выльется, в какие сроки и так далее. Ну, Петя и пообещал. Расценки узнать нетрудно, без проблем.

При следующей встрече выяснилось, что официальные расценки для пенсионера высоковаты. Но Петька договорился с компьютерщиком, свойским парнем, что верстку брошюры тот сделает неофициально, за магарыч. Павел Евгеньевич притащил папку с исписанными от руки страницами. Свойский кореш долго чертыхался («каменный век — набрать не может»), но, повысив объем магарыча втрое, набрал и текст, втихаря от начальства. Петьке-то что — на магарыч не ему раскошелиться. А уж когда до печати дошло — тут мимо кассы никак. Поначалу пушкинист на 500 экземпляров тиража замахнулся. Потом, покряхтев, снизил до 200. Потом еще кряхтел да охал... В результате вышла брошюра в свет оптимальным тиражом в 80 экземпляров. Для кассы типографии, конечно, курам на смех. Но пушкинист был доволен. И даже, пожалуй, счастлив.

Да, тут что еще: как-то Щелчок с женой его, наркологиней, повстречался. Шел себе в приятном расположении, тут видит — она вроде бы. Сумка на плече, пакеты в руках увесистые.

— Здрасьте, — говорит Петя. — Помочь?

А она пакеты отдергивает.

— Не узнаете? — смеется Петя.

— Узнала, — говорит. И смотрит мимо.

— Как Павел Евгеньевич поживает? Давайте, до остановки донесу.

— А и носи, — говорит, — до остановки. А у Павла Евгеньевича все в порядке. Что ему делается!

Идут. Бочонок рядом покачивается, по высоте — до мочки уха Петьке всего, хотя на каблуках. Молодая, интересная... Умора!

— А не собирается ли Павел Евгеньевич, — возьми да брякни Петька, — презентацию устроить?

— Что еще за... — смотрит вперед супруга книголюба.

«Так, — думает Щелкунов, — язык мой... Старичок брошюрку-то, небось, втихаря от жены тиснул, на заначки».

— У него же такая коллекция богатая, — лепит Петька, — насколько я заметил...

— А вы знаток? — говорит.

— Какой там, — ржет Петька. — Я — менеджер по продажам!

— Тогда понимаете как менеджер, кому такое сокровище нужно...

— Не скажите, не скажите, нет, очень даже...

— Все, пришли, — остановилась она. — Давайте пакеты, менеджер.

А голос у нее, и правда, странный. Убаюкивать хорошо таким голосом. Или гипнотизировать.

— Сейчас, — сказал Петька, — автобус подойдет... А вы ведь нарколог?

— А вы полечиться хотите? — И взгляд рыбий.

— А мне уже пора?

— А вам всем пора. Пока не поздно...

Черт поймет, что сказать хотела.

— Нет, — серьезно втянул воздух Щелчок, — полагаю, что сам справлюсь.

— Все вы так полагаете...

— Кто — «мы»?

— Алкаши. — И витрины разглядывает.

Хо-хо!

— Та-ак... А Павлу Евгеньевичу вашему...

— А ему поздно. Пакеты давай — моя подходит...

Петя отдал.

— Знаешь, — пропела она, — я алкашей не люблю. Все вы одинаковые.

— А наркоманы...

Уже входя в маршрутку:

— А они... — И — что это! — обожгла, прямо ужалила по-черному! — ...поинтересней бывают.

Цыганщина чертова. Значит, не пригрезилось. Вот тебе и бочонок!

Вспоминая потом несурзное это общение, Щелчок подумал даже: «А не приволокнуться ли за ней, в самом деле? Тоже бабе, видать, несладко». Мыслишка показалась ему забавной. Вот только чем ей нарकोши глянулись? Может, конечно, юмор, но... Но ведь Горгона. Явная, явная.

Между тем, выйдя в свет, творение пушкиниста пару дней лежало в типографском закутке возле инвентаря уборщицы. Потом обе пачки по 40 штук Петька лично доставил домой Петру Евгеньевичу — на маршрутке. Свойский кореш втихаря (за пару стопок в «Светлячке») тиснул еще 20 экземпляров. Их старичок вез сам, пристроив на коленях и нежно поглаживая верхнюю брошюру.

Пачки Щелчок донес до квартиры, заходить наотрез отказался.

— Ну, давайте я вам хоть дарственную напишу, — трясся автор.

— На квартиру? — сострил Петя.

— Дарственная надпись — инскрипт...

— Потом как-нибудь, — улыбнулся Щелкунов, — подумайте, сформулируйте. И в «Светлячок» занесете.

— Петр Евгеньевич, — вытянулся старик в струнку, — я благодарен, вы столько...

— Ой...

— Нет-нет, я обязан... Вот что. — Линзы пенсионера сверкнули даже в полутьме подъезда «брежневки». — А давайте-ка я к вам наведаюсь, на дежурство? Посидим, потолкуем. Вы же там один вечерами?

— Я с семи вечера заступаю, но, бывает, до девяти еще народ, если работа.

— Так я после девяти.

— Добираться вам потом...

— Доберусь. Маршрутки до двенадцати, до часу. Да тут и пешком...

Ну, что было говорить? Старикан Петю и в процессе предпечатной эпопеи пару раз угощал, и после. И смотрит так — не отвяжешься. Петя-ка и сказал:

— Тогда с вас инскрипт.

— И не только, Петр Евгеньевич, и не только...

Договорились — на следующей неделе. Вроде бы никаких срочных заказов с авралами в типографии не предполагалось. У старика, действительно, событие, чего б не отметить? Чуть-чуть. Все равно куковать. И ведь не отвяжется.

К семи Петя прибыл, уже минут в пятнадцать восьмого закрыл дверь за последним тружеником, поставившим свой кабинет на сигнализацию, пошел в сторожку да завалился на кушетку. Из чтения у него была «Смерть Вазир-Мухтара». Любопытная книженция, тоже пушкинист подогнал. Сочная, протяженная, ноющая и вязкая. Сочающаяся.

Но сейчас ее читать не хотелось.

Хотелось лежать и думать о какой-то другой жизни, о других временах, может быть, более сильных, может быть, менее расслабленных, когда людям было важно собираться, чтобы решить, найти для себя и для других что-то единственно правильное, верное, и потом добиваться... Или менее сильных и более расслабленных, когда понимали, что каждый миг каждой жизни неповторим, а потому прекрасен, и все беды от нас самих, что дуракам не понять, но, может быть, и поймут когда-нибудь, что лежать и думать вот так — хорошо, что очень хорошо — думать, и не надо, не надо, не надо...

Входной звонок прозудел. Потом еще, еще. Очень тут резкий звонок, будоражащий. Контора...

Петя сел, протер глаза, пошел открывать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Павел Евгеньевич, собственной персоной. Хотя еще и полдевятого нет. Войдя, долго тряс руку, кланялся, шаркал подошвами о коридорный линолеум. Ничем не примечательные минитипографские стены разглядывал восхищенно, будто в Лувре оказался или каком-нибудь Фонтенбло.

— Вот, значит, как тут, — приговаривал, — вот, значит, что...

При том, что все кабинеты закрыты, включая печатный зал. Правда, вдоль стен кое-где красовались упакованные пачки готовой продукции да

картонные коробки с неиспользованной офисной бумагой. В каморке Щелкунова Павел Евгеньевич тоже восторженно поцокал, разглядывая пульт сигнализации, художественно выполненный стенд с телефонами экстренных служб, обшарпанный стол, по выслуге лет списанный из отдела маркетинга, и переехавший по той же причине из предбанника шефа видавший виды диван. Остановившись под высоким, подоконник на уровне лба, зарешеченным окошком, хехекнул. Но обошелся без цитат. «Сижу за решеткой»...

— Вот, собственно, — развел руками Петя.

— Вижу, вижу, — затрясся книголоб и, доставая из полиэтиленового пакета, стал аккуратно расставлять на столе одноразовые тарелочки с уже нарезанными колбаской и сыром, огурчиками и лимончиками, апельсинчиками. Петрушечки достал и укропчика («Мытые, мытые», — успокоил), разложил красиво на тарелочках с колбасой. Четыре банана выложил, неразрезанных, водрузил отдельно. Баклажку минералки без газа, четыре пластиковых стаканчика. И увенчал стол, подмигнув Пете, бутылкой того самого — «проверенный!» — коньяка.

— Шикарно, — развел руками Щелчок, — ну и давайте.

— Я, — мял стаканчик в руках пушкинист, — благодарен вам, Петр Евгеньевич, правда, очень благодарен...

— Благодарили уже, Павел Евгеньевич, — пресек Петя.

Отпив, пенсионер бросил взгляд на «Вазир-Мухтара». Одобрительный. Поговорили о литературе. Павел Евгеньевич другие книги того же автора предложил, в качестве подарка. Щелкунов отказался, сказав, что читал уже в юности. Павла Евгеньевича вежливый отказ все же удручил, но настаивать он не стал, а, побрякав, выудил из пакета уже хорошо знакомую Петьке брошюру.

— Тогда вот, как обещал.

— С инскриптом, надеюсь? — бережно принял дар Петя.

— Разумеется.

Красивым и обстоятельным, в завитушках и округлостях, почерком на главной странице, между названием и датой выхода было выведено: «Уважаемому Петру Евгеньевичу, полному тезке моего старшего брата, с благодарностью за неравнодушие, бескорыстный энтузиазм и творческое участие в моем скромном труде». И подпись, тоже обстоятельная, с изящными вывертами и загогулинами. Дата. И даже название их родного города.

— Ну, — развел руками Петька, — это, Павел Евгеньевич, это... не заслужил...

— Что вы, Петр Евгеньевич, что вы, — лил елей пушкинист, — не надо скромничать! Ваше участие — самое непосредственное, самое деятельное...

— Ну, тогда за ваше произведение, за его успешную творческую судьбу!

— Произведение, — клацая огурчиком, сказал Павел Евгеньевич, — конечно, громко сказано... Собственно, тут в основном лишь перечень того, что мне удалось собрать, каталог. Ну, и некоторые мои соображения по поводу этих книг, этих экземпляров. Размышления, если хотите... И воспоминания.

Петя покивал понимающе, хлебнул минералки и, извинившись, выскочил в коридор, в туалет, мол, приспичило. Едва перевалило за девять. О чем беседовать дальше, Петя представления не имел. С другой сторо-

ны, коньяками, даже такими, не разбрасываться, можно послушать, раз такое дело, и про маргиналии с конволютами.

— А как, — вернувшись, спросил он, — самочувствие Любови...

— ...Михайловны.

— Михайловны.

— Спасибо, спасибо, все хорошо. — Старик наполнил стаканчики. — Вам побольше, а мне капельку. — На протестующий Петькин жест руку к сердцу приложил. — Нет-нет, возраст, знаете ли... Это вам, молодым... Вы меня, Петр Евгеньевич, уж простите, — сказал старик, глядя на решетку, за которой было уже совсем темно. — Лезу к вам со своей персонай. Нет-нет, не возражайте! Я благодарен, что слушаете мои рассказы... Вы — человек, которые сегодня нечасто... Нечасто, нечасто такие... Мне ведь, Петр Евгеньевич, в сущности, и пообщаться-то не с кем, брат далеко, созваниваемся, езжу, но...

— А жена, а дочь?

— Дочь? Ну, она и не живет с нами. — Павел Евгеньевич смял стебелек петрушки. — Замужем она, гражданским браком, свои интересы. А жена... Понимаете, разница у нас приличная... Мои увлечения, кхе-хе, не слишком-то одобряет...

— Жена-то, небось, не первая?

— Первая, — посмотрел старик прямо в глаза Пете. — Я, Петр Евгеньевич, поздно женился.

— Лучше поздно, чем...

— Лучше вовремя. Все лучше — вовремя. — Пенсионер встал, прошелся по сторожке. — Я, Петр Евгеньевич, в молодости хулиган был. Большой хулиган.

«Слово-то какое вытащил, — подумал Щелкунов. — Где ты, где хулиганы».

Старик стоял, ссутулившись:

— Ну, это давно, был тогда моложе, чем вы сейчас. Намного моложе... А с Любовью Михайловной... Раньше жили неплохо. Я зарабатывал достаточно — мастер участка. Она, как специалист, только начинала. А теперь — с точностью, кхе-хе, до наоборот!

— А вы ведь, Павел Евгеньевич, — потянулся за закуской Петя, — тоже сторожите? Мы тут коллеги с вами?

— Перестал, Петр Евгеньевич, сократили. Теперь только пенсия. М-да, — остановился он посреди каморки, — хотя там, у нас, конечно, организация... Ну, оборонное предприятие, понимаете сами, совершенно другой уровень...

— Да-да, — покивал Петя, — госзаказ, военная тайна — не то, что здешняя макулатура.

— Петр Евгеньевич, — подсел книголюб, — а вот скажите, как на духу: вы почему здесь?

«Блин, — подумал Петя, — чего и следовало».

— Нет-нет, — прижал его запястье пушкинист, — не обижайтесь. Вы достаточно молоды, много чего впереди. И вы же творческий человек, я вижу. Вы, — линзами сверкнул, — поэтому здесь? Поэтому?

«Рассмеяться, что ли, — подумал Петя, — ему в лицо?»

— Да, я уверен — поэтому! — Старик хлопнул Петю по руке и встал, слава Богу. Даже, пожалуй, вскочил — с неожиданной прытью. И снова зашагал по комнате.

— И в мои времена творческие люди в сторожа уходили, и сейчас. Вы

играла в драматическом коллективе, вы творческий вуз кончили. Вам сейчас сколько? Между тридцатью и сорока — самый такой возраст... продуктивный. Вы, — развернулся, — прозу пишете или стихи?

— Я, Павел Евгеньевич, — потянулся на диване Петя, — в прокате работаю. Рекомендую клиентам фильмы и игры.

— А что, если нам... — Пенсионер застыл у пульта. — Если нам с вами, Петр Евгеньевич, рассказ написать?

— Нам с вами? — потянулся Петя за бутылкой. — О чем?

— Об Александре Сергеевиче.

— Ах, так? — сказал Петя. — Логично. Именно рассказ?

— Небольшой, — снова зашагал старик, — можно сказать, этюд. Мне каплю, буквально одну. Вы представьте — утро в Михайловском...

— Это название?

— Почему бы и нет? Вы представьте — раннее, раннее утро, осень...

— Логично.

— Александр Сергеевич в ссылке, один...

— С няней?

— Не только, не только, — сверкал линзами книголюб. — Со многими, на самом деле, он там общался, не в этом суть. Но в рассказе он — один.

— А слуги, девки крепостные?

— Были, были и девки, не об этом. Вот он встает, а утро такое свежее, может, даже первый морозец, но ясно, солнце встает. И день будет яркий, краски осени...

— Водой обливается...

— Конечно! И хочет скакать верхом...

— К Кернам?

— Почему? А, да, к Осиповым, скорее, с Вульфами, пусть к ним. Но лучше не к ним, а просто — по полям, по осенним полям...

Старик замолчал, присев на краешек дивана.

— И? — протянул ему стаканчик Петя.

— А, собственно, все. Конец этюда.

— Так суть-то в чем?

— В настроении, Петр Евгеньевич, в настроении.

— Творческом?

— В настроении, Петр Евгеньевич... — отставил стаканчик старик, — одиночества.

— Это-то понятно. — Бросив косой взгляд на пушкиниста, Петя в свою очередь принялся вышагивать по каморке. — Но скажите: он обливается или ванну принимает? Со льдом?

Библиофил крикнул.

— Нет, нет, — продолжал Щелчок, — это принципиально! Детали должны быть безупречны. Опять же — собирается скакать или скачет? По утреннему-то морозцу? Там, поди, ледок уже — ежели во весь опор, так навернуться можно с жеребца. Запросто! Особенно, если подкован неважно.

— Вот вы иронизируете. — Старик встал. — А вы подумайте. Подумайте. Я, пожалуй, пойду.

— Да что вы, да рано, — затянул было Петя, простирая длани к оставшейся закуске. Но пушкинист был непреклонен. Доехать еще, время позднее, и по капельке уже нет, не могу, возраст, знаете ли.

Руку, прощаясь, тряс подчеркнуто долго и бережно. Рот открыл, буд-

то сказать что-то хотел, но вздохнул только. И лингами, в лучах предбанника, шаркал. Видимо, все-таки обиделся. А на что?

Затворив — на все замки и засовы — за книголюбом дверь, Петя вернулся в каморку. Повертел в руке бутылку — половина еще, между прочим, ага. Фыркнул на не востребовавшие бананы. Обижать старика совсем не хотелось, но, сами посудите, какой-то Александр Сергеевич, рассекающий по стерне, сдуревший от одиночества... Да, он там, небось, в Михайловском, всех дворовых девок перепортил. Тоскуя. А потом скакал к мечтательным барышням, писал им в альбомы про чудные мгновенья, и барышни бледнели, перечитывая при свечах чарующие строки, и, накинув шаль на тонкие плечики, выбегали в подернутый морозцем сад и устремляли, под вдохновительной луной, восторженные взоры в усеянные звездами выси, а маменьки встревоженно зазывали их назад, и, передернув зябкими плечиками, барышни спешили в свои светлицы, чтобы еще раз склониться над альбомной страницей и оросить ее нечаянной слезой из бездонных, мерцающих неизбывной грустью очей... А автор бессмертных строк гнал по пажитям к себе в Михайловское, скалил во тьме африканские зубы и ржал, небось, как жеребец. Хулигами эдакий.

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА, ВСТАВНАЯ И СТРАННОВАТАЯ

Утром Петя успел избавиться от всех признаков вечеринки до прихода первых сотрудников. Амбре после вчерашнего, конечно, присутствовало. Но ничего, обошлось.

Боря Мичман уже поджидал его в «Светлячке». В парадной морской шинели, приталенной, с золотыми погонами, с белым шарфиком, в фуражке с растопырившимся грозно крабом. Кончики Бориных усов не свисали скорбно к подбородку, а были залихватски подкручены в стороны и вверх, симметрично застывшим крабовым клешням. Мичман был изящен, строен и деловит.

— Володя все достал, — сообщил он, аккуратно промокнув залихватские кончики белоснежным платком. — Леша Давкин к цирку подъедет. Решили встретиться не здесь, чтобы заведение не компрометировать. — Боря изящно извлек из-под полы брегет на серебряной цепочке, щелкнул крышкой. — Через четыре минуты выступаем. Как раз на разок. Эй, Надин!

Надя отмерила сто пятьдесят в пластиковый стаканчик.

— Тебе не предлагаю, Петя, — вздохнул Мичман, — сам понимаешь...

— Нет, отчего же, — хохотнул Щелкунов, — после вчерашнего — в самый раз...

Наденька отмерила и Пете, взглянув из-под ресниц, как показалось ему, неприязненно. «Давайте, — подумал Петя, — давайте. Морали еще почитайте». Он потянулся было к стаканчику, но рука предательски задрожала. «Заметили?» — Петя сунул руку в карман, за деньгами будто. Мичман поправил шарфик, Надин бросила взгляд за окно, в небеса.

— Подморозило, — сказала, — снег, нечто, пойдет.

— Морозец — хорошо. — Мичман бережно стянул иссиня-белую перчатку и поднял стаканчик. — Морозец — не слякоть.

Петя, потеряв в кармане рукой о ногу, с трясогузкой справился. Твердо взял стаканчик, чокнулся с Мичманом.

— Пора, — крикнул Боря, натягивая перчатку. — Прошу.

И открыл дверь. Петя пошел.

Завернули за угол — в лицо пригоршнями ледяной дробы хлестнул колючий и подвывающий ветер. Мичман и не пошелохнулся, только глаза сузил — полярная закалка. Петя старался соответствовать.

— На рынок давай завернем, — крикнул он Боре. Мичман недоуменно дернул погонами. Но следом пошел.

Рынок был не самый дешевый, но не до жиру. Ни черешни, ни вишни не было — не сезон. Были ностальгирующие по первозданности помидоры, раздувшиеся от осознания полноценности апельсины с пожухлыми мандаринами обок, да контрафактные выгнутые абрикосы с желтыми или фиолетовыми, раскормленными ГМО сливами.

— Ты чего? — тронул его за рукава Мичман.

— А ничего, — улыбнулся Петя смотревшей на него снисходительно продавщице. — А дайте-ка нам фундуку, неочищенного, килограмм.

Орехи продавщица положила в пакет с надписью «С Новым годом», хотя до него еще было месяца полтора.

«ПАЗик» Давкина стоял напротив цирка, со стороны мясокомбината, по направлению туда, к Юго-Западному. Во лбу «ПАЗика» маячил обычный его маршруточный номер — «666». Но на лобовое Давкин выставил большую картонку, на которой черным фломастером крупно было накарябано «ЭКСКУРСИОННЫЙ».

«Хорошо хоть не «РИТУАЛЬНЫЙ», — хотел было состричь Петя, но, увидев, что в «ПАЗике», на левых передних, уже сидят Павел Евгеньевич с Володей, язычок прикусил. Молча обменялись рукопожатиями: Мичман — с Володей, Павлом Евгеньевичем и Давкиным, Петя — с Давкиным и Володей. Сели на передние правые, Петя — к окну, Мичман — сбоку. Пушкинист был в своем обычном кургузом пиджачишке, и пурга ледяная ему нипочем, вздыхал да похмыкивал. Володя, наоборот, — в пятнистом камуфляже, непроницаемом всем ветрам, запахнутым от и до, и в серой советской еще ушанке, завязанной под подбородком, — только бордовая рыха наружу. Карманы его куртки сильно топорщились. Выглядел Володя, конечно, на уровне, но, отметил украдкой Петя, Мичман — при его-то параде — смотрелся, безусловно, выигрышней.

Давкин завел. На Петю он не взглянул ни разу, даже когда здоровались. «Тоже, значит, — прикинул Петя. — Ну-ну». Поехали — к кольцу с самолетом, дальше по Космонавтов, через Дорожную, к Юго-Западному.

— Где решили-то? — тихо спросил Петя. Зачем спросил — непонятно, какая разница — где.

— На Везелке, за витаминным, — ответил Мичман так же тихо, почти не разжимая губ. — Там сейчас никого.

Петя протянул ему пригоршню орехов. Мичман взял, щелкнул одним-другим, но с левыми сидениями не поделился.

И в городе-то почти никого не было — утро, рабочий день, непогода. Сиплые «дворники» надрывно скрежетали по лобовому стеклу, разгребая бледную сыпь, валившую все гуще. Проехали мимо кладбища, деревья стояли совсем уже занесенные, седые. Свернули на проселочную, потряслись на ухабах между двумя закоченевшими ельниками.

«ПАЗик» напрягся, взвыл и угас.

— Все, брателлы, — выдохнул Давкин, — дальше пешком.

Давкин в автобусе остался. На Петю и не посмотрел. А Павлу Евгеньевичу (заметил, вылезая, Петя) пожал руку. Сочувственно и уважитель-

но. Твердо, по-мужски. Петя пакет с орехами на сиденье оставил, только горсть зачерпнул — в карман.

Шли по хрумкающему насту. Мичман — впереди, чуть наклонив при- таленный корпус и придерживая околыш фуражки. За ним — Петя, сзади — Володя с книголюбом. Ледяная дробь молотила со всех сторон — и по лицу, и в уши, и за воротник. Земля под белой коркой была еще мягкая, вязкая, чавкающая.

— Ну, что же? — Мичман остановился на относительно ровном взгорке вдоль реки, посмотрел по сторонам, потом на Володю. — Здесь, что ли?

Володя прошелся вдоль берега, обернулся, попробовал сплунуть в речку. Плевков не долетел. Володя кивнул.

Мичман снял перчатку, достал платок, долго вытирал мокрые усы. Кончики их снова обвисли.

Вода в Везелке была абсолютно черной. Как дым от покрышки. Ничего сквозь нее не просвечивалось, ничего от поверхности не отражалось. Желтый пар струился от воды, разметавшись рваными клоками вдоль по руслу.

— Витаминный опять химичит, — сплюнул Володя. — Всю речку за- гадили, извращенцы. А такая река была...

Павел Евгеньевич хрюкнул. Воротник его пиджачка был поднят, руки в карманах, плечики согнуты. Очки он снял — от наледи — и моргал, глядя на желтый пар от витаминной реки, не переставая.

Петя достал сигарету, попытался прикурить. Зажигалка щелкала, вспыхивала синеньким огоньком и тут же гасла. Подошел Мичман, накрыл Петины руки своими ладонями, огонек стал стройнее, Петя прикур- рил, стараясь не испортить белоснежные перчатки.

Володя тоже пару-тройку раз пыхнул сигареткой и запустил ее щел- чком в желто-черное марево.

— Ладно, — сказал, — раз решили, не хрен тут... Так решили? Или?

— Или? — повернулся к Пете Мичман.

— Так не мне же решать, — поежился Петя. — Хотя я, со своей сто- роны...

— Нет, — сказал Павел Евгеньевич и закашлялся. Прокашлялся и повторил: — Нет-нет.

«Вот зачем это «хотя» ляпнул, — поежился Петя. — И лишне, и глу- по... И стыдно».

Володя запустил красные ручищи в оттопыренные карманы своего камуфляжа. Копался там целую вечность. Вот достанет сейчас два пузы- ря, стаканчик складной, шматок сала, да заржет, как умеет, да подмиг- нет поросычьей ресницей: «Все — хана, пацанва, харэ выеживаться! По- прикалывались — и будя! Ишь, удумали, блин, джентельментусы! А ну подходи — по полной — за мужское наше братство!» И приняли бы, из складного, — друг за другом, друг за друга, и сальцем бы закусили. И фундучок кстати пришелся бы, и крякнулось бы, и улеглось, и спали оковы, и отпустило бы, и полетело — за тридевять земель, в неведомую даль, и оттаяли бы закоченевшие души, и не такой уж мерзкой была бы ледяная эта задолбавшая щеки сыпь, и не такой уж проклятой загажен- ная отбросами комбината Везелка...

Володя достал два свертка, что-то в тряпки завернутое, серые, подо- шел к Мичману, развернул.

— Стечкин, — кивнул Боря. — А это?

— Самодел, — крутанул ряхой Володя.

— Неравноценно, — мотнул усами Мичман. Капли в стороны брызнули.

— А где я тебе равноценное, — напряг ряху Володя, — достану? За сутки? За полночи, считай? Пусть жребий бросают — кому какой!

Мичман поправил фуражку, чтобы клешни краба были строго параллельны усам:

— Ну, если стороны считают возможным... Чья решка, чей орел?

— Пусть Павел Евгеньевич выбирает, — сказал Петя.

Пушкинист выбрал решку. Мичман подбросил десюнчик, монета взлетела, кувыряясь целую вечность, и упала в безжизненный наст. Боря присел на корточки, развел руками, призывая всех удостовериться, что впечатавшийся в корку десюнчик лежал вверх орлом. Значит, Стечкин достался библиофилу. А Пете Володя вручил какой-то металлический обрубок, напоминавший раскуроченный и недособранный гвоздодер. Весь в какой-то коричневой липучей и жирной смазке.

— Сюда вот нажмешь, — показал чеченец, — и всего делов. А прицеливаться вот так.

Мичман прочертил сапогом по насту черную полосу перпендикулярно реке, потом, отсчитывая шаги, еще две полосы по взгорку. У средней полосы воткнул палку. Расстояние между ними — всего ничего. Петя вспомнил вдруг, как во дворе школы физрук кедами по песку чертил им линию, до которой надо было допрыгнуть тройным прыжком, чтобы сдать норматив. Так там расстояние было побольше.

Павла Евгеньевича поставили у первой полосы. Петю повели к третьей. Проходя, он увидел, что центральную полосу уже засыпает белая острая крупа. Пока еще виден не совсем ровный и влажный шов, но скоро, очень скоро, и следов от мичманского сапога не останется.

Петя стал у третьей полосы. Гвоздодер был увесистый, и рука коченела. Вдали, у ельника, угрюмо ждала уже до предела заледеневшая маршрутка Давкина. Петя вспомнил вдруг, что сзади у нее квадратный люк, просторный, чтобы гроб прошел.

Володя и Мичман отошли, встали напротив палки, поближе к маршрутке.

— Ну, что, — крикнул Володя, — давай, если не передумали!

— Постой, — сказал ему Боря, и секунданты снова подошли к дуэлянтам. — Тут ведь как, по кодексу... — Мичман обшлагом прошелся по тюленьим усам. — Требуется сказать: предлагаю сторонам... это... не страдать фигней и...

— И примириться! — рявкнул, укрывая ряху от ветра рукавом, Володя.

«И что сказать? — думал Петя, почти уже не чувствуя окоченевшую руку. — Что был неправ, что признаю свои ошибки? Что вел себя недостойно? Что ничего у меня с Любей — Любовью Михайловной — не было? Что я молодой, а он стар? Что не девятнадцатый век, какая дуэль, опомнитесь, старый марзматики вам чего-то наплел, а вы и поверили, и поддались! А вам только и давай! Сволочи! Что, если и было чего, так это она — инициатор, не я? Значит, плохо ей, женщине, я и помог! И что теперь? Люблю ли я ее? Не девятнадцатый век, господа! Я просто... не думаю, что ей не понравилось. Но к старику я нормально отношусь, хороший старик, душевный, пусть живет и здравствует. Ну, рогоносец — и что? Слово-то запредельное! Вот далось ему — живут и с рогами, и отлично живут. И я без него жил, и без цыганки его куполообразной, и дальше... И вот те-

перь — под дулом... какого-то Стечкина, с гвоздодером дурацким в руке, я что вам должен? И почему? Что мне надо сказать — что мне страшно? Что я струсил?»

— Нет! — каркнул старик, укрывшись рукавом пиджачишка от ветра. — Никогда!

Ветер взвыл еще надсадней и донес до третьей полосы:

— ... только кровью!

«Совсем уж «Кавказская пленница», — подумал Петя и увидел, что чеченец с Мичманом топают назад, к своему посту. Из «ПАЗика» вылез Давкин, шел к ним, на кочках пошатываясь.

— ...одитесь! — донесся крик секундантов.

«Что это? — пронеслось в голове. — Родитесь? Плодитесь? Сердитесь? Трудитесь? Молитесь, быть может? Ах, сходитесь — надо идти, чтобы... надо...»

Павел Евгеньевич шел к барьеру, скукожившись в пиджачишке, подерживая левой рукой раздувавшиеся полы. Правая, черной дулей увенчанная, ходила ходуном. Старик моргал беспрестанно.

Подойдя к барьеру, пушкинист поднял Стечкина на уровень головы, заморгал еще бешеней. Петя левой рукой нащупал в кармане орехи, хотел было достать, хрустнуть пренебрежительно. Но глупо это все, ох, до чего же глупо, когда вот этот идиот целится, он что — сбрендил, он кто и как, вообще...

Мы можем трахаться с замужними женщинами, мы можем нести пургу, мы можем быть нехорошими и даже мерзкими, но разве мы заслужили эту вот черную дулю на уровне лба? Мы можем быть никчемными и никудышными, но, может быть, есть надежда, что мы станем другими — достойными и благородными? Но, когда ты видишь, что она летит, — а ты видишь, что она летит — вот эта жуткая пчела из черной дули, то ты... ай! Ай!..

Пушкинист лежал на белом насте, скрючившись засохшим крабиком и развернувшись, будто убежать хотел, от чертовой этой барьерной полосы. Мичман, Володя и Давкин неслись к нему. Петя сжимал в руке раскалившийся гвоздодер. Когда невозможно стало сжимать — бросил в снег. Жирную руку о куртку вытер — больно. Подул на нее — ожог, язвы будут.

Про Любу он не думал. Тело ее, колонноподобное и бочкообразное снаружи и такое нежное, такое беззащитное на самом деле, вдруг раздулось в Петиной голове до невероятных размеров и лопнуло, как в мультишках. И ничего. Только осыпались сахарной горкой нотки ее плюшевого голоса. И упали на них цыганские глаза — страстные, желающие, влекущие. Нет — ненавидящие.

Петя брел, шатаясь и трясясь, почти по колено в снегу. Откуда его столько? Володя, Мичман и Давкин небли старика к автобусу.

— Как, — просипел Петя, снег набивался и в рот, — как...

— Как-как, — зашипел, обернувшись, Давкин, — через как! Жмурик!

«Что за слово? — пронеслось в голове. — Разве можно так? Только был человек и — жмурик. Нельзя, нельзя... Что же — посадят теперь? Дрянь-то какая!»

— Все теперь загремим под гребенку, — отплеываясь от снега, шипел Давкин. — А ты думал! Не девятнадцатый, блин, век!

Володя и Мичман сурово двигали спинами, держа тело за плечи. И тут старик приподнял голову и открыл глаза.

— Эх, — прохрипел Петя, шкандыбая сзади, — эй...

Тащившие ничего не заметили. Старик смотрел на Петю. Взор его был лучезарен и чист, как у младенца. Пушкинист улыбнулся. Гаденькая была улыбочка и подленькая.

— Он же, — хрипел Петя, — он же ж...

Старичок незаметно качнул головой, мол, ничего ты, милоч, не докажешь. Глаза его сверкнули желтыми огнями. Провоцирующего отродья. И пушкинист снова умер. Как бы, свинья такая. Петя достал из кармана орех, клацнул. Ядро было гнилое — мокрое и горькое.

ГЛАВА ПЯТАЯ, ГДЕ ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРИХОДИТ ВНОВЬ

Утром Петя успел избавиться от всех признаков вечеринки до прихода первых сотрудников. Амбре после вчерашнего, конечно, присутствовало. Но ничего, обошлось.

В «Светлячок» несколько дней не заходил. И не хотелось, и просто недосуг. Но, конечно, заглянул снова. И Павел Евгеньевич — тут как тут. Поздоровались дружески, слово за слово. А Щелчок уже в прекраснодушном состоянии, хотелось сделать старику приятное, возьми да ляпни:

— Как там, Павел Евгеньевич, ваш этюд? Продвигается?

А старичок, похмыкав, говорит, тоже весело:

— Так я же, Петр Евгеньевич, вместе предлагал, сообща.

— Ну, — продолжает Петя шутейно, — вы же понимаете, неожиданное предложение! Тут с кондачка никак...

— Понимаю, — говорит пушкинист, — понимаю. Так давайте обсудим, давайте я к вам опять загляну.

— Да отчего ж не обсудить, — говорит Щелкунов, — может, и обсудим как-нибудь.

Что тут еще скажешь?

А через пару дней Петьку из киоска турнули. Не почему-нибудь — прикрылась лавочка, нерентабельно. Хозяин говорит, распродам все за месяц, по бросовым ценам, лишь бы взяли. А там и саму халабуду снесут, она внешний облик города уродует. Там весь ряд павильонов — под снос. А строить будет то ли гипермаркет, то ли гостиницу. Украсят облик. Петя, само собой, насчет месяца впереди заикнулся, но хозяин не поддался: сам все раскидает, а дармоедов еще месяц содержать ему и на фиг... Грубый человек, но понять можно: весь бизнес под откос.

В общем, на очередное сторожевание пришел Щелкунов в суровых раздумьях. И раньше-то, на двух работах — не рай, а тут...

Разошлись типографские уже в восьмом часу, а ближе к девяти — трель в дверь. Павел Евгеньевич, с пакетом. Милости просим.

— Балуете вы меня, — сказал Петя, наблюдая, как управляется пенсионер с сервировкой. Привычно управляется.

— Ну, — засопел старикан, наливая, — пустяки. Хм-хм. Я тут, Петр Евгеньевич, услышал о вашей, гхе, проблеме...

— Какой такой?

— Ну, сократили вас...

— Уже слышаны? А-а, — махнул рукой Петя, — там и были-то копейки...

— Вот что, — подсел Павел Евгеньевич, — а если вам в охрану нашего предприятия попробовать?

— Так вас же там самого сократили?

— Меня по возрасту. Ну, и здоровье... А вы молодой. Молодые-то нужны. Там, разумеется, тоже не густо, но побольше, чем здесь. Вы здесь сколько получаете?

Петя махнул рукой.

— А может быть, и совмещать получится. Здесь, или еще что-нибудь найдете, — сопел старик, посверкивая стеклышками.

— Так у вас же режимное предприятие?

— Режимное.

— Так лицензия нужна на охранную деятельность. На ношение оружия.

— Какое оружие, что вы... Это же не склад боеголовок. Там инженеры сидят, схемы разрабатывают. Ну, инструктаж пройдете, проверку...

— На детекторе лжи?

— Анкеты заполните... Нет-нет, правда, у меня начальник охраны — приятель, могу поговорить...

Что ж за старик такой неугомонный! Щелкунов налил по второй.

— Все-таки, — мотнул головой, — не пойму, как же без оружия? А террористы налетят — наши схемы похитить?

— На террористов другая управа... Нет, есть, разумеется, тревожная кнопка...

— Стоп, Павел Евгеньевич, стоп. Это вы уже военную тайну разглашаете. А ведь, явно, проходили инструктаж, подписку давали.

Старик повертел стаканчик с коньяком.

— Я, Петр Евгеньевич, понимаю, вам нелегко сейчас. Но я ведь от чистого сердца.

— Спасибо, — хлопнул себя по груди Петька, — ценю, Павел Евгеньевич, ценю. Серьезно. Но какое мне оборонное предприятие — я же трепло. А знаете, — Щелкунов вскочил и заходил по клетушке, — а, может быть, все и к лучшему? Что ни делается? Ну, нет проката, так и фиг с ним! Зато для творчества простор какой, а? А если нам, Павел Евгеньевич, драгоценнейший, как раз и засесть за Александра нашего Сергеевича?

Пушкинист отпил из стаканчика, смотрел выжидающе. Петька продолжал вышагивать.

— Только этюд ваш — мелко это, уж, как на духу, поверьте. Нынче — либо бестселлер, либо в клозет — такое время. Эти скачки по полям, обливание на морозце — какой бестселлер! А вот если... «Тайный донжуанский список Александра Пушкина», представляете? К тому, что имеется. А мы с вами свой разрабатываем. И описываем. В деталях. Тут детали важны, подробности — для бестселлера. Чтоб натурально все, убедительно, на документальной основе (тут вы — знаток), но с немалой долей фантазии — убедительной, смачной такой, знаете...

— Вы, Петя, присядьте, — сказал старик, — присядьте. Выпейте.

Так и сказал — «Петя», не по отчеству. Щелчок и присел. В потолок посмотрел.

— Я, Павел Евгеньевич, — сказал, — в общаге одно время с иностранцами жил. В одной комнате. С африканцами, из Камеруна. Или Сенегала. Тогда много иностранцев в универе училось. Месяца три жил, потом удалось переселиться к соотечественникам. Так вот, этот самый негр, Роже-Бернар, меня как-то и спрашивает... А может, он и не негр был, но пытливый... «А почему, — говорит, — Петя, у вас Пушкин — самый глав-

ный поэт? Все Пушкин да Пушкин»... Представляете? «Ведь ничего, — говорит, — вроде бы особенного, все просто»...

— И что же вы ответили?

— Да ничего толком. Так, мол, повелось как-то, не бери, Роже-Бернар, в голову... Муру какую-то брякнул, ни хрена я ему не сказал!

Петька снова вскочил, потянулся, крякнул.

— Во-от! А теперь скажите, Павел Евгеньевич, что бы вы этому Роже ответили?

Пушкинист поставил стаканчик на стол, потер руки:

— Так он сам и ответил: «Все просто».

— Во-от! — принялся опять вышагивать Щелкунов, бедрами повиливая. — Чего и требовалось! Просто! Удивительная простота, гениальная! И что, — остановился, — это, по-вашему, ответ?

— А разве нет?

— А что есть простота?

— Гармония.

— Гармония, — Петька плеснул себе, выпил. — Гормон и я. А алгебра ни при чем. С тригонометрией.

Пете понравилось, что «тригонометрию» он выговорил очень четко.

— Как, — скрестил он руки, опершись седалищем о край стола, — Любовь Михайловна поживает? Как Петр Евгеньевич?

— У Любови Михайловны, — поправил очки старик, — все терпимо... А брат в больнице. Ехать надо к нему...

— С глазами?

— Глаза тоже. Но там и сердце, и все прочее...

— Поедете к нему?

— Поеду. Завтра еду.

— Павел Евгеньевич, — тронул Петя висок, — давно хотел спросить: а почему ваш брат людей не рисует? Или пишет — как правильно?

Пушкинист посмотрел на Петю ласково:

— А не хочется ему.

— Хо! Потому что не любит?

Старичок посмотрел еще ласковей:

— Зачем, Петя, так? Вы же его не знаете.

— Вот мне и любопытно. — Петя, не отрываясь от стола, закинул ногу на ногу. — Разобраться.

Старик взял лимончик.

— Брат мой, — сказал, причмокивая долькой, — жизнелюб — поискать таких! Уж сколько он людей повидал на своем веку...

— Вот и разуверился.

— Хе-гхе, м-да... — Дедушка добрел на глазах. — Вы, Петр Евгеньевич, не обижайтесь, ради бога... Но вы...

— Глуп, туп. Вот и спрашиваю.

— Вы еще себя не нашли.

— Да, да, ищущи-свищу — обыскался!

— Оттого и...

— Что?

Пенсионер обвел глазами каморку, поморгал:

— Все это...

— Ага. — Петя с радостью почувствовал, как легкая злая сила пошла от ушей к плечам. — Так акварельками баловаться Бог таланту не дал, понимаете? И других талантов с гулькин хрен! Что делать — студеной

водицей обливаться? Не выход! Разве что лашу на уши — это могу, в этом достиг... степеней. Только вот что с такими дарованиями? Как обратить во благо? Ой, а может, собирательством заняться, коллекционированием? — С вывертом получилось, изящненько — «коллекци-онировани-ем». — С моими-то талантами — самое подходящее занятие! Например, труды какого-нибудь гения подсобрать. Оно и от этого дела отвлечет, — чиркнул Петя ноготком по бутылке. — Отвлечет! Денег-то на эту гадость и не останется! Только... — надул Петя щеки, — надо решить, какого? Тут серьезно надо подойти, главное — не прогадать. Можно, конечно, в заумь удариться, стать фанатом Хайдеггера какого-нибудь или Кьеркегора. Но кому они в наших пенатах сдались? Нет, тут надо кого-нибудь повостребованней, общепотребительней. Чтобы был круг общения, чтобы обмениваться, втюхивать, чтобы брошюрку под это дело тиснуть, распространять таким же...

— Вот что, Петр Евгеньевич, — встал старик.

Петя, к столу прислонившись, ножкой покачивал. Павел Евгеньевич прошелся перед ним, остановился. Петя в сторону смотрел, ножкой покачивая.

— Талантов у вас немало, — сказал книголюб. «И что? — думал Петя. — И что дальше? В морду дашь или морали?»

— И не все еще загубили, — продолжил пушкинист. «Ах, значит, морали, — подумал Петя, — вот и все твое хулиганство.»

— А я вот загубил, — сказал старик. Глядел он тоже в сторону, в угол за пультом, где, кроме серой с напылением стены да плинтуса над ветхим линолеумом, ничего.

— Я ведь, Петр Евгеньевич, человека зарезал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

РАСКРЫВАЮЩАЯ ВЕСЬМА ПИКАНТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Сообщил об этом Павел Евгеньевич очень просто, по-приятельски. Так не слишком тесно знакомые приятели, встретившись поутру, говорят друг другу мимоходом: «Что-то не спалось нынче, погода, видимо, атмосферное давление... Ну что, по пивку?»

Сообщил и снова присел. И стал рассказывать.

— Я, Петр Евгеньевич, в юности был, что называется, без руля. Безбашенный. Выросли мы с братом в хорошей семье. Хорошие родители. Отец — военный. Военный инженер. Воевал, потом служил, потом, уже на гражданке, главным инженером завода успел... Мама — учительница физики, завучем была... С братом — шесть лет разницы, он в войну родился, в начале, а я уже после. Жили, по тем временам — очень даже. Лучше многих. Ну, пока отец служил, помотались по Союзу, по гарнизонам. Я-то еще маленький, брат постарше, отсюда у него, наверно, бродяжья душа... Отец — на службе, на работе потом, редко дома, мама тоже всегда занята. В общем, брат — мой главный наставник. Он же и соперник.

Павел Евгеньевич потянулся к бутылке, плеснул Пете, себе капнул.

— Брат мой фотографией увлекся, фотоаппарат у нас был, ФЭД, а я за ним... Потом он поваром-кондитером решил стать — торты выпекали, чуть квартиру не сожгли... Потом — химические опыты, тут чуть весь дом не взорвали! И везде я за ним. Пожалуй, только с фотографией что-то у меня выходило, но не так, как у него, не так хорошо, не так замечатель-

но. И рисовал он всегда здорово, а я... Ну, пытался, но... Хотя ходили вместе, при Доме пионеров... То есть я походил да бросил, а у него — успехи явные... После школы он в Строгановку поступил, уехал, ну, а я и стал хулиганом... У меня с детства дальновзоркость, врожденная. Очкарик в школе — надо самоутверждаться. Вот и утверждался. Дрался, учителям хамил, в общем, все там... Учился сначала не в той школе, где мама — она принципиальная была. И дошло уже до исключения. Мама, видя такое дело, перевела меня в свою, не дожидаясь исключения. Но помогло уже плохо. И там компании, табачок, выпивать уже тогда начал...

Петя слушал старика и пытался представить, каким он был в детстве. Петя часто так представлял, это довольно увлекательно и, как правило, угадать нетрудно. В облике самоуверенного босса — затурканного трусливого замухрышку, презираемого всем классом, над которым издеваются в туалете; в лике разнеможно размалеванной красотки — тощую девчонку с жидкими косичками, покорно доносящую классной руководительнице обо всех преступлениях одноклассников. Но с Павлом Евгеньевичем как-то не складывалось. Гроза класса, раздающий щелбаны обалдуям и устраивающий благородные — один на один — спарринги на школьных задворках? Да нет, вроде жидковат. Хотя в том, как сидел сейчас старик, рассказывая, в попытке передернуть плечами, поигрывая, может быть... Нет, скорее, это типаж чувака из стаи, который подвывает лидеру, альфа-самцу. Или такой вариант — забытый очкарик, потурявший покровительство старшего брата, однажды решился и, засунув проклятую оправу в карман серого пиджачка, принялся молотить кулачками во все стороны, ничего перед собой не видя, по всей этой стае регочущих оболтусов. Вряд ли одного раза было достаточно, чтобы все это прекратилось. И не раз, и не два надо было молотить, охая и задыхаясь от пропущенных по уху и в подбородок ударов, но стискивать расшатавшиеся зубы. И дома в подушку трястись безутешно, понимая, что завтра или послезавтра все повторится опять. А потом вдруг на треклятых задворках ему сказали: «Ладно, ты молоток, очкарик». И он, вытащив оправу из кармана, протер платочком линзы и сказал: «Я — не очкарик, ясно?» — «Лады, Молоток», — сказали ему... Могло и так быть: синопный очкарик подрулил втихаря к гориллоподобному Шайбе или Грыже и наплел ему что-то про свою замечательную коллекцию марок или значков. И ерунда, что вся эта коллекция перекочевала к безденежным и оттого падким на красивые бирюльки Шайбе или Грыже. Зато появились почет и уважение, которые, разумеется, надо было сдабривать табачком да портвешком...

— ...но перед окончанием, в старших классах взялся, правда, за ум. Неплохо кончил, да и мама помогла. Поступил — на исторический. Я тогда нумизматикой увлекался, приличная была коллекция... Вот и хотел на исторический.

— Там же тогда — сплошная идеология?

— Ну, не сплошная. Хотя хватало... Но и науки хватало, я вам скажу. А главное, Петр Евгеньевич, интересно было. Очень, очень... Но... опять у меня началось.

— Это? — постучал по бутылке Петя.

— И это, и остальное все.

Старик опять встал, принялся ходить между столом и дверью, засунув руки в карманы брюк, отчего его пиджачок смешно встопорщился.

— Студенческая жизнь — классически — богема, богема... У меня любовница была.

Слово «любовница» Пете показалось странным. Не «любимая», не «возлюбленная». Не «телка на перетерку».

— На три года старше. Я жениться на ней хотел. Мама, разумеется, против. А отец и не знал ничего. Она в общежитии жила, на третьем этаже. Пятикурсница уже. И вот как-то, подвыпив, я — к ней. После теплой компании, в приятном расположении духа... Прихожу, говорю на вахте — мне к такой-то. А вахтерша: «Нет ее». Как так? Вот так. Выхожу на улицу, смотрю, свет в ее окнах. Возвращаюсь: «Ее нет. Там, вообще, никого нет. Свет забыли выключить. А тебя я, вообще, не пуцую, ты пьяный». А я молодой, кровь играет, чувствую, что там она. Что делать? Снаружи, по этажам, лестница пожарная. Со второго этажа начинается, но, если меня посадить... Конечно, нашлись, кто посадил. И я лезу. Не к ней, в другую комнату на этаже. В окошко стучусь, там девчонки визжат: «Хулиган, милицию вызовем!» Я им: «Пустите, девчонки! Я не к вам, я в соседнюю, любовь у меня, пожар!» Ну, и пустили, сердобольные.

Павел Евгеньевич повздыхал, поглаживая залысины.

— В общем, — продолжил, — была она там не одна, с хахалем. Дверь я вышиб, там ломать нечего. А они — голые практически, не в постели уже, вскочили... Она кричит, девчонки из соседних комнат бегут, а этот хахаль — он здоровый такой — полез, разумеется, хотел меня... А у меня нож с собой — я же хулиган. Ну и, на глазах у всех — зарезал.

Пенсионер стоял, стаканчиком поигрывая. «Ему бы уже на маршрут-ку пора», — подумал Петя.

— Насмерть? — спросил.

Библиофил посмотрел на Петю. Паузу подержал, добрый дедушка.

— Нет, — сказал очень просто. — Выжил. Слава Богу. Но лечился долго, одно время критическое было положение. Ну, а меня, разумеется, там же — под белы ручки, — продолжал старик, сдвинув очки на нос и подергивая губами. — И пьян, и на глазах у всех... Все очевидно. Так что с учебой пришлось расстаться. И вот, отбыть.

Пете уголовников приходилось видеть, конечно, эпизодически, но не так уж и редко. И далеко не каждый из них тут же выхватывал из-за голенища заточку или крутил языком лезвие бритвы. Многие, наоборот, предпочитали не распротраняться. Но, пообщавшись, особенно, под это дело — по тому, как шеей двинул, как сплюнул, как сощурился, — почти всегда можно было угадать человека сидевшего. Или притворяющегося, что сидел, — и таких придурков хватает.

А вот этот старик... Никаких, конечно, гримас и ужимок. Милый такой дедушка. Хотя, с другой стороны...

— И долго? — спросил Петя.

— Не очень. Сравнительно. Три года. Тогда была 109-я. Какая сейчас, не знаю. «Умышленное менее тяжкое телесное повреждение».

— Меньше — чем что?

— Чем убийство, Петр Евгеньевич, чем убийство.

«Да ты не смеешься ли?» — подумал Петя.

— Отбыл, — посасывал лимончик пушкинист. — На исторический с таким клеймом — уже никак. Отец меня не дождался — инфаркт. Маму из завучей — опять в учительницы. Ну, вышел — куда? ПТУ, потом слесарем на завод. До мастера дослужился.

— А как же — с клеймом — на оборонное?

— Так ведь не генеральным конструктором. Вот такая, Петр Евгеньевич, петрушка, такое стечение обстоятельств. Ну что, еще по чуть-чуть...

Что-то в повадках старика изменилось. Двигаться, что ли, стал резче, плечи держит прямее, подбородок выставил. «А ведь, пожалуй, неловко ему», — подумал Петя.

— А эта ваша...

— Любовница? Замуж вышла, в другой город уехала. Хорошая, наверно, семья — не знаю.

— А этот...

— Вылечился. Он с юридического был. В прокуратуре работал. Семья тоже, дети. Полтора года как покойный, не знаю уж, из-за чего. Ну, так возраст уже. И молодые умирают...

Петя кивнул, вздохнув. А за решеткой окна — чернота.

— Но, если так на историческом хотелось? — спросил Петя. — Можно ведь и заочно.

— Нет, Петр Евгеньевич, нельзя. — Старик усмехнулся, губы трубочкой. — Тогда было нельзя. А сейчас — и не нужно. Ну что, пора?

— В смысле?

Старик похлопал себя по карманам, достал платок, протер стекла очков:

— Мне еще собираться.

— Надолго едете?

— Как сложится. Тут загадывать... Желаю вам, Петя, всех-всех благ, держитесь, не теряйтесь... Так начальнику охраны позвонить?

— Нет, — сказал Петя, — я сам.

— Смотрите, мне не трудно. Давайте я вам его телефончик оставлю. — Старик достал блокнотик, записал номер, вырвал страничку, положил на стол.

— А что, Павел Евгеньевич, — погладил макушку Петя. — Ну, стечение. Но в целом-то у вас...

— Что? — Старик, не разогнувшись, смотрел сквозь очки.

— ...нормально сложилось...

— Нормально? — переспросил старик почти зло. Почти свирепо. И тут же подобрел. — Нелепо, Петя.

Усмехнулся лукаво, линзами сверкнув. И скрежетнул — или только почувдилось? — вставными:

— Хотя нормально, да. Закроете?

Пошли на выход.

— Там, — сказал Петя, — брату вашему — здоровья.

— Спасибо. — Старик придержал дверь. — А камеру этот ваш, Петр Евгеньевич, пожалуй, неплохой малый. Пожалуй, неплохой.

Будто что-то еще сказать хотел, но не сказал. И ушел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Никакому начальнику стражи Петя звонить, конечно, не стал. Позвонил жене бывшей, сказал, что выплачивать пока будет вдвое меньше. Временно. А устроиться — не проблема, в крайнем случае — грузчиком. Или вот приятель в деревню зовет — пруды зарыблять.

Хотя, чего скрывать, положение было не ахти. В типографии начальство тоже что-то коситься стало. А-а, где наша...

И вот под Новый год, дней за десять, Петьку и уведомили. Сокращают сторожей после праздников, через месяц. Просто сигнализация будет, окончательная, без людей. Прогресс, мать его, не до жиру.

Дежурить Пете с 30-го на 31-е выпало. Повезло. Отдежуришь — и вся волшебная ночь впереди, когда желания сбываются. Можно загадать что-нибудь жизнеутверждающее. Например, выиграть в лотерею миллиард. Перед дежурством зашел в «Светляк», не стесняясь типографского начальства, — чего теперь. И с собой захватил чекушку.

Почитывал, лежа, глянецовый журнал, презентованный приятелем. Журнал был не про баб и не про звезд, а про культурное и историческое наследие. Главная статья была про Пушкина, Александра Сергеевича. Про то, что было у него 29 дуэлей за жизнь. Но — отличный стрелок, с железной тростью гулял, чтоб рука тверже, пулю в середку туза с десяти шагов всаживал — ни разу за все 29 никого не поранил. Только Дантеса покарябал. А тот его — к праотцам, в вечность. Любопытная статейка.

И тут — звонок, кого это черти! А на пороге — Любовь Михайловна. С рыбьими глазами. В куполообразной шубейке.

— Что, — говорит, — стоите? Зайти могу?

Зашла — конечно, носом повела. Ну, не будуар, мадам.

— Я, — говорит, — на секунду. Вот Павел Евгеньевич просил вам передать.

И протягивает альбом, который Петя уже видел. Брата, Петра Евгеньевича.

— Да вы присядьте, — изображает суету Щелчок. — Тут, конечно...

— Я пойду, — пропела она. — Дел еще много.

А голос — как песня из детства.

— Я... спасибо. — Петя смахнул со стола какие-то крошки. — Зачем только? Дорогой, наверно, альбом.

— Павел Евгеньевич просил. Лично вам. Ну и вот...

— А он-то сам? Где и как?

— В Питере. Под Питером. На даче брата. Продаем дачу, вот он и занимается.

— Продаете?

— Да. Нам зачем — далеко. А Петр Евгеньевич — полтора месяца уже, как. И сороковины прошли.

— А Павел...

— Вот и занимается. Вы о здоровье? Да, все в порядке. Насколько возможно. Переживает. Для него брат — как икона, — взглянула она на журнал.

— Любовь Михайловна, я...

— Ничего, — обожгла.

И, помолчав:

— Вы с собой разберитесь. Мусора у вас, — посмотрела вокруг. — Нечисто и... Ну, с наступающим.

На крыльце как будто что-то еще сказать хотела. Так и Петя что-то хотел сказать, но...

А на улице снег пошел. Весь день — слякоть, грязюка черная, а тут — на тебе! — валит хлопьями, пушистыми, как ресницы Снежной Королевы. Петя, не закрыв дверь, смотрел, как уходит под медленно кружащимися хлопьями снежная баба с волшебным голосом. Идет, покачиваясь, сапожки дутые, снежинки на плечах не тают, все больше их, а она все меньше, все круглей, пока не скрылась за поворотом к «Светлячку».

Петя вернулся, прилег, альбом полистал. Вот клыкастые моржи столкнулись тяжеленными тушами, чтобы понять, кто тут главный на лежбище. Вот тучи птиц понеслись над застывшим обрывом. Вот холод-

ное солнце застряло в ветвях одинокой сосны. Вот летит неприкаянный корабль прямо на черные, выточенные скалы. И никуда уже, никуда. Хороший художник. Очень неплохой. Чистые линии, никакого мусора, что хотел изобразить, то и получилось.

Петя допил и уснул. Снилось что-то? Наверно, снилось. Быть может, Любовь Михайловна, поющая, обжигая цыганским испепеляющим взором, колдовские плюшевые романсы. Гибкий девичий стан алой лентой подхвачен, безупречную талию подчеркивает. На стене за ней — ковер персидский и два дуэльных пистолета друг на друга направлены — изящные, с инкрустацией.

Быть может, усопший тезка, которого никогда не видел, ослепший художник, пытающийся попасть кистью в черный измазанный холст.

Быть может, мускулистый и подтянутый Павел Евгеньевич, взбирающийся по водосточной трубе на крышу небоскреба, чтобы разбросать по всему городу полный тираж своей единственной брошюры. Быть может, он же, макающий гусиное перо в бордовую, расплывающуюся по полу лужицу. И, промокнув уголки губ платочком, с пером в руке приближающийся, чтобы сказать Пете что-то, быть может, основополагающее, что хотел сказать раньше, да не сказал, и что Петя хотел услышать, но не услышал.

Быть может, снился и неведомый невероятный Александр Сергеевич, мчащийся по стерне затвердевших в ночи полей навстречу камерунцу Роже-Бернару, скалящемуся белозубо.

Быть может, все они, выбежавшие, в чем мать, на утренний осенний морозец, с радостным фырканием опрокидывающие на себя ведра студенной ключевой...

А может, и ничего не снилось. Кроме несущегося — необратимо — на черные скалы то ли траулера, то ли сейнера.

После праздников Петю уволили.

